

такую мароз не ўлезіць. (Ляхаўка Дубр.) [1, 20]; **адсэч** ‘адсекчы, ссекчы’: *Трэба было б адсэч тыя кусты пад вокнамі.* (Швэплі Докш.) [1, 38]; **закр’опіць** ‘замацаваць, прыбіць’: *Дошкі тыя трэба закр’опіць.* (Цяцеркі Брасл.) [1, 203]; **наскіпаць** ‘нашчапаць (трэсак)’: *Наскіпай трэсак і палачак на паджогу.* (Дзёрнавічы В.-Дзв.) [2, 52]; **папіляхаць (папіл’ехаць)** ‘распілаваць’: *Па-прасілі дровы папіляхаць.* (Ласкаўшчына Міёр.) [2, 111]; **правіць** ‘рамантаваць, праводзіць рамонт, чыніць што-небудзь’: *Бацька ў гараж нешта правіць пайшоў.* (Мазалава Віц.) [2, 165]; **прыбамбіць, прісумбычыць, прішпанд’оріць (прышпанд’орыць)** ‘прымацаваць, прыбіць’: *Прыбамбіў учора карціну да сцяны, а яна ўзяла ды звалілася ноччу.* (Мікіціха Шум.) [2, 184] і інш.

Безумоўна, разгледжаныя вышэй дзеяслоўныя абазначэнні – толькі невялікая частка дыялектнай лексікі Віцебшчыны, семантычна звязанай з гаспадарчай дзейнасцю чалавека. Таму у ліку іншых дзеяслоўных найменняў даследаванага тэматычнага кола назавём словы тыпу **абдзэлаць** ‘залатаць’, **выжымаць** ‘мыць бялізну’, **вышар’ашваць** ‘мыць, шараваць’, **прыклад’аць** ‘прыводзіць у парадак што-небудзь’, **біць** 1) ‘кляпаць, вастрыць касу малатком’; 2) ‘калоць дровы’, а таксама сінанімічныя пары **набіць – навісьці** ‘навастрыць (касу, серп)’, **накал’таць – накішкаць** ‘намяшаць, накалаціць (пра страву)’, **раздз’ергаваць – радзіць (рядзіць)** ‘прарэджаць (пра агародныя расліны)’ і інш.

Заклучэнне. Як сведчыць прааналізаваны моўны матэрыял, дзеясловы са значэннем гаспадарчай дзейнасці чалавека характарызуюцца ў гаворках Віцебшчыны разнастайнасцю семантыкі, якая захоўвае ў сабе цікавую этнакультурную інфармацыю пра наш народ, а таксама выразна адлюстроўвае спецыфіку яго працоўнай дзейнасці і звычаяў.

Спіс літаратуры

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.
2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад. : Г.К. Семьянькова, Т.А. Грачыха, А.С. Дзядова [і інш.] ; пад рэд. А.С. Дзядовой. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ (к 105-летию А.Т. Твардовского)

В.В. Здольников
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В восемнадцатом веке в русской литературе становится, условно говоря, модным новым для неё жанр – героическая поэма. Оговорка наша не случайна, ибо отечественный литературный процесс того столетия – это прямое или косвенное подражание, заимствование, перенесение на русскую почву опыта западноевропейской (французской особенно) литературы, в которой тогда господствовала эстетика классицизма, где среди «высоких» жанров называлась и героическая поэма. В.К. Третьяковский весьма вольно обошёлся с романом Ф. Фенелона «Приключения Телемаха», представив его русским читателям в своём переводе как героическую поэму «Телемахида». Более того, он снабдил её издание небольшим теоретическим трактатом «Предызъяснение об ироической пииме» (1766). А уж М.М. Хераскова мы вправе называть отцом русской героической поэмы: его «Россиада» была «образцовой» для своего времени.

Понятие «образцовый» в эстетике классицизма напрямую связывалось с её нормативной частью и означало следование «правилам». В наиболее полном виде они изложены в трактате Н. Буало «Поэтическое искусство», уже переведённом на русский язык к моменту рождения отечественных героических поэм. Так что, создавая своё «Предызъяснение об ироической пииме», русский автор систематизировал типологические признаки героической поэмы или поэтического эпоса, адаптировал для своих читателей понятия и терминологию, круг «правил» французского теоретика.

Согласно этим правилам, в переложении Третьяковского, темой героической поэмы должны быть важные события отечественной истории: «Эпопея воспевает не личность, не героя, а великое деяние». На этой основе должен строиться «узел» (сюжет), от «завязания» до «развязания» действия. Эти же элементы, считает Третьяковский, должны присутствовать в каждом отдельном эпизоде поэмы. Что касается характеров, они должны быть строго выдержаны, до конца «не изменять своей сущности». Для мотивации поступков персонажей автор может использовать «чудесности» (т.е. фантазию). Но как бы ни были они вымышлены, им следует всё же быть вероятными, «иметь

вид истины», не выходить «за пределы естества». «Правила» классицизма всегда требовали от автора придавать произведениям высокий общественный, гражданский пафос. Согласен с подобным требованием и Третьяковский, но считает нужным подчеркнуть, что «нравоучение не должно быть навязчивым». Другие правила, по его мнению, желательные, но не обязательные к соблюдению в «ирической пиэме», касаются композиционной структуры, стиля и метрики стиха. Цель подобного эксперимента: «приписать» поэму века двадцатого к определённой жанровой форме, которых исследователи на сегодняшний день насчитали свыше десяти.

В исследовании нашем мы ставим задачу: провести литературоведческий анализ, «протестировать» поэму А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» и тематически примыкающий к ней цикл стихотворений «Возмездие» на их соответствие литературно-художественной традиции жанра, правилам и нормам классицизма, как они сформулированы в русской теоретической мысли XVIII века.

Результаты и их обсуждение. О «предмете» поэмы (согласно правилам) почвы для дискуссии вообще нет: Великая Отечественная война 1941–1945 годов была для народа судьбоносным испытанием, прочно вошедшим в его историческую память «великим деянием». В соответствии с ним сюжетная канва «Тёркина» простирается от «рокового» сорок первого до «победного» сорок пятого годов. По масштабу и значимости описываемых событий даже самые ортодоксальные блюстители правил не могут отказать поэме в близком жанровом родстве с самой «Илиадой».

Для античной и более поздней традиции в героической поэме описанию событий и персонажей предшествует обязательный «зачин», авторское изложение целей и задач предпринятых трудов. Хрестоматийное обращение авторов к богине, открывающее «Илиаду» или «Энеиду» – это не только просьба благословить на поэтический труд, но и обозначение «предмета» и цели обращения к поэтическому его изображению. Не отступает от традиции и русский поэт XX века. Но «зачин» своей поэмы начинает с вопроса о самых «низких» для героической поэмы вещах – о «доброй пище фронтовой», о «шутке самой немудрёной», без которой на войне не прожить «одной минутки». Прозаичнее некуда, особенно на фоне предшествовавших ему авторов эпических поэм, которые непременно ставили себе целью «петь», «воспеть» избранный «предмет». У А.Твардовского цель тоже заявлена, но в вопросе: «Без чего на войне не прожить наверняка?». Вернее, в ответе на него. И звучит он достаточно категорично. Прожить нельзя на фронте «без правды сущей, // Правды, прямо в душу быющей // Да была б она погуще, // Как бы ни была горька» (3, стр. 310).

Читатель видит Тёркина и в самых трагических ситуациях любой войны и в сюжетах о её буднях, о фронтовом быте. И нет в них ни возвышенной риторики, ни патетики и идеализации. Исследователь В.М. Апаткин справедливо подметил, когда писал применительно к творчеству раннего Твардовского о его «нарочитом натурализме»: «Твардовский намеренно удерживает себя на уровне бытовой достоверности..., дабы не уйти в риторику, не приукрасить реальных мук и тревог людей» (1, стр. 44). Автор писал так о поэме «Страна Муравия»; ещё большее подтверждение находит мысль эта в «Василии Тёркине».

Война начала отсчёт четвёртого года, она повернула на Запад и вот уже бьёт «Берлину у заставы судный час». Вот сейчас бы «разойтись» балагуру и шутнику Тёркину. Но нет; теперь у автора Тёркин уже другой: «любимец взводный в шутки не встревал, думой занятый своей» Да и в самой поэме, вернее в пяти её последних главах всё трагичнее подтекст, всё ошутимее тяжесть ноши, возложенной на солдатские плечи – нравственного бремени возмездия: Вот почему в победный этап войны Тёркин вступает «страдальчески счастливым», более того – именно сейчас впервые заплакал. Что вообще разрушает традиционные требования поэтики классицизма к характеру эпического персонажа. Впрочем, у Гомера исполненный воинской доблестью суровый Ахиллес в финале поэмы тоже заплакал. Интуиция ли, художественный ли вкус подсказали древнегреческому барду закончить «Илиаду» не картиной жестокой расплаты за поруганную честь Эллады?

Обострённое чувство художественной правды, знание глубин русского национального характера подсказали поэту двадцатого века закончить свою героическую поэму не торжеством победителей, что вполне соответствовало бы святой правоте Великой Отечественной, а самым бытовым событиям: сценой в бане, нарочито почти натуралистичной. Здесь «голый люд» «кости прогрел», «спины трёт», «мозоли мочит», «моет платочек носовой», «надевает новые подштанники». Какая благостная картинка, а ведь это мстители пришли, будем помнить, несущие, как обет, тяжёлое бремя возмездия.

Высокий этический пафос, свойственный эпосу по определению, благородство русского характера, ненавязчиво подчёркиваемое в каждом эпизоде поэмы, не позволили Твардовскому закончить свою героическую сагу победным апофеозом, неизбежно жестоким со стороны победителей. Ведь герой её пришёл на вражескую землю «двойною, тройною ношей» нагружен. Он и жертва, и освободитель, и мститель. А месть всегда жестока и беспощадна. Но за что мстит русский солдат? В «Возмездии» дан потрясающий перечень этих «за что», объясняющий и почему Тёркин «тройною ношей нагружен» и почему «места нет пощаде». «И не у нас её проси, // Мы будем мёртвых глуше. // Проси у тех, чьи на Руси // Сгубил безвинно души. // Проси у тех, кого ты сжёг, // Зарыл в земле живыми // ... Проси у тех, кого раздел // В предсмертный час постылый. // Проси у девочки у той, // Что в дула ружей глядя, // Спросила с детской простотой: // --Чулочки тоже, дядя? -- // Проси пощады у неё, // А мы щадить не в праве» (3, стр. 130–131).

Этими обжигающими строками из «Возмездия» по сути и заканчивается эпос о Великой Отечественной, хотя оно и не включено в композиционную структуру поэмы. Только так и мог думать русский солдат, вступая на вражескую землю: его ярость поистине благородная, а не слепая и безрассудная. Таков подлинно эпический размах и высокий этический пафос героической поэмы, созданной буквально в пламени тяжелейшей войны. Не случайно так мало писал о ней поэт в послевоенные годы, всего несколько стихотворений, в том числе и потрясающее «Я убит подо Ржевом»: тема ею исчерпана полностью.

Заключение. Проведенный нами опыт сравнительного анализа позволяет, на наш взгляд, критически отнестись к определению-эпиту «лиро-эпическая», присвоенному поэме «Василий Тёркин» (2, стр. 294). Смеем утверждать, что её автор возродил в XX веке жанр героической поэмы, классическими образцами которой считаются «Илиада» или «Песнь о Роланде». Его поэма может быть заслуженно поставлена рядом с ними по масштабу и событий, нашедших в ней художественное воплощение, и характера главного героя – воина, защитника Отечества. Это действительно национальный героический эпос Великой Отечественной 1941–1945 годов.

Список литературы

1. Акаткин, В.М. Дорога и память. – Воронеж, 1989
2. Литературный энциклопедический словарь. 1987
3. Твардовский, А. Стихотворения. Поэмы. БВЛ. Серия третья. – М., 1971.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗИ С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Е. ПОЛЕЕС)

*О.И. Зуева-Заливко
Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова*

Рассматриваемое нами явление русскоязычной литературы, является одной из культурных особенностей Беларуси, в которой одновременно используются русский и белорусский государственные языки. Как отмечает в своих работах профессор А.Н. Андреев, занимающийся вопросами теории литературы: «До распада Советского Союза практически все, что выходило в Беларуси на русском языке втягивалось в русское культурное пространство. Однако, после 1991 года, литература, создающаяся на русском языке в Беларуси, стала занимать промежуточное значение между русской литературой России и литературой Беларуси» [1].

Выявление специфики русскоязычной литературы Беларуси – вопрос, который нуждается в разработке. Следует отметить, что русскоязычная литература Беларуси одновременно развернута в сторону разных культурных парадигм. Поскольку русскоязычная литература Беларуси берет свое пространственное начало в точке соприкосновения русской и белорусской культур, то данная литература находится на своеобразной границе культур. Русскоязычная литература сохраняет русскую традицию на «чужой» территории, при этом она подвергается влиянию белорусской культуры, и оказывается одновременно ориентированной в сторону двух противоположных полюсов [2, 133].

Общее духовное начало двух культур – русской и белорусской – предоставили русскоязычным авторам, не нарушая своих внутренних мировоззрений, достаточно полно выразить свое отношение к действительности.